

Лариса Найвальт

Времена лет

Лариса Найвальт

Времена лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43683467

ISBN 9785005033024

Аннотация

Сборник содержит новеллу «Есть повесть и печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте» и миниатюры. Героиня новеллы, Лана, чистая девушка, живущая во второй половине XX века, но воспитанная скорее в духе века XIX, встречает первую любовь. Но юноша, под влиянием своей семьи, отказывается от любви. Миниатюры представляют собой короткие зарисовки, основанные на впечатлениях автора от окружающего мира и от встреч с разными людьми.

Содержание

Есть повесть и печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Времена лет

Лариса Найвальт

Фотограф Алина Элияу

© Лариса Найвальт, 2023

© Алина Элияу, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0050-3302-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Есть повесть и печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте

*Повествование событий, происшедших
во времена, когда в Сибири зимы были студёными,
люди с чувством собственного достоинства,
а обращение: «Девушка!» —
подразумевало первозданную чистоту.*

Лана, воспитанная в рамках добрых этических традиций и строгих правил, обладала особыми качествами: терпимостью и душевной тонкостью. С малых лет девочка природной скромности и застенчивости имела определённый внутренний стержень – некую старомодную структуру порядочности, благодаря которой могла стойко противостоять любой пагубной силе.

Личность высокой нравственной одухотворённости с заложенной в генах интеллигентностью и выразительной индивидуальностью в той или иной ситуации относилась с уважением к кому бы то ни было, и прежде, чем что-то позволить себе, всерьёз обдумывала логические последствия действий и поступков, дабы никому не навредить.

Основу презирающей опасность независимой и решительной натуры составляли лучшие человеческие качества с многообразием мощных побуждений и неистощимым

взглядом на жизнь, разумным образом сочетавшиеся с упорством и непоколебимой направленностью к достижению намеченной цели.

В характере проявлялись скорее мужские черты, нежели женские, но при этом были присущи шарм, безупречный утончённый вкус, элегантность и завораживающая таинственность. Лана словно излучала магнетическое сияние глубинной чувственности и трогательной первородной чистоты.

Душа её, тяготея к возвышенному с особой пронизательностью, отзывалась на всё небезынтересное и любопытное окружающего мира. Она умела открывать диковинное в обычном. Чувствовала запах земли. Слышала дыхание и язык природы. Получала колоссальное наслаждение, любясь обширной панорамой непрерывно движущихся небесных преобразений. Находила красоту даже там, где её никто не замечал. Не случайно эстетическое восприятие стало жизненной философией девушки. Ей нравилось подолгу пребывать и в уединении, причём, довольно часто мысленно странствуя по восхитительным закоулкам возвращённого в собственном воображении мироздания, в котором всегда занимательно и не одиноко.

К семнадцати годам она уже давно была обласкана вниманием молодых людей, так как напоминала бутон, скрывающий прелесть вот-вот раскрывающегося цветка, представив свету дивное творение природы. Однако, относясь к себе

весьма требовательно, критично и иронично, на комплименты, произносимые в её адрес, патологически стеснительная Лана лишь смущённо улыбалась.

Наполненная неутолимой жадой постижения нового, дерзновенными планами на будущее, нескончаемой вереницей возникающих вопросов в ранее неизученных ею областях, когда сразу зарождается жгучая потребность непременно отыскать ответы, она, заражая окружающих своей энергетикой, настолько уютно чувствовала себя в благодатном времени юности, что мир взрослых отношений до поры оставался за гранью её увлечённостей.

В то лето школьная тропинка сошла на нет у перекрёстка, насчитывающего несметное количество судьбоносных дорог, предоставляя выпускникам осуществимость самостоятельного выбора, чем дальше заниматься и какому направлению отдать предпочтение.

Лана поставила себе целью продолжить образование в одном из высших технических учебных заведений родного города и, основательно относясь к вступительным экзаменам, посещала установочные лекции, проводимые преподавателями одновременно для всех поступающих по каждому из пяти сдаваемых предметов. Последовательно приблизилась к старту и финальный день предэкзаменационных встреч.

Проснувшись довольно рано, но оставаясь в постели, она прислушивалась к красноречивой тишине ночи. Как вдруг,

звончатой побудкой царствующее безмолвие разорвала одинокая пташка. А вскоре, один за другим, на предельной высоте взмыли второй, третий, четвёртый глас...

И вот уже непрестанное птичье щебетание, сопровождающееся вознёй на ветвях, облюбованных с вечера пернатыми для ночлега, превратилось в какофонию. Прошёл какой-то секундный период, многоголосье смолкло на короткую паузу, а затем, словно по мановению волшебной палочки невидимого дирижёра, грянуло серебром триумфальной симфонии, приветствующей зарю восхода в прозрачно янтарном свечении на безмятежной синеве неба, сулившем оставаться безоблачным до вечера. Всё это было настолько поэтично, что чуткие струны души девушки подсознательно настроились на нечто неординарно значимое.

Чтобы не опоздать, Лана вышла заблаговременно. Воздух приятно овевал теплом. Поднебесье украшала невесомая золотистая пыль солнечного света, а его лучи, пробивающие кроны деревьев, выжигали на откидываемых ими тенях живописные узоры. Несмолкающее чириканье воробьёв, устроившихся на проводах высоковольтных линий, сливалось с гулом города. И девушка с нечасто встречающимся сочетанием детской непосредственности, женского изящества, мужского ума и фантастической энергии, лучезарно улыбаясь, скорой походкой уверенно устремилась в непознанное далёко.

Ожидая прибытие трамвая, она потеряла не один десяток

минут, поэтому от остановки института, рассчитывая всё-таки уложиться к началу, ускорила шаг.

Невероятно, но казалось, само время намеренно оттягивало её приход к назначенному часу. Так, с ясной, залитой солнцем небесной лазури редко и взброс посыпались, точно опаловые, крупные и увесистые капли, которые, достигая асфальта, разбивались вдребезги, оставляя водяные кляксы. Поначалу своеобразная дробь даже забавляла. Однако по мере роста числа бойких дождинок, отдельно каждая уже не определялась. Соединяясь ещё вверху, к земле они приближались неистово мчащимися острыми стрелами, радужно сверкающими в солнечном свете.

Не имея зонта и надеясь на кратковременность происходящего, девушка решила переждать дождевую атаку под возникшей на её пути каменной аркой, представлявшей собой широкий свод въезда во внутренний двор впечатляющего архитектурой монументального здания постройки начала двадцатого века, где в конце шестидесятых годов и располагался будущий альма-матер Ланы. В ансамбле с гордо возвышающимся строением, через неширокую дорожку, раскинулся некогда творчески созданный чудесный сквер. Напротив него-то и укрылась пленница непогоды.

Дождь тем временем набирал силу. Торжество света угасло. На всё вокруг опустилась белёсо-сероватая пелена. Асфальт смотрелся бурлящей горной рекой. Стремительно налетевший ливень, попадая в несущиеся потоки, выбивал

всплескивающие маленькие фонтанчики, схожие с миниатюрными скоморошьими колпаками, украшенными свисающими бубенцами. Появился аромат свежести, сдобренный душистостью омытых влагой трав, кустарников и хвойных деревьев сквера. Очертания города, будто рисованные акварелью, растворились за пологом воды, обрушившейся на данный уголок земли.

Лана наблюдала за разгулявшейся стихией сквозь полупрозрачную завесу, сотканную вольно струящимися нитями сильнейшего ливня, и, в предвкушении, когда, очистившись от обременённых водяными парами облаков, разверзнувшееся небо сомкнёт свод, с упоением и присущей ей живостью восприятия внимала сонатное аллегро красок и хрустально-го перезвона резво летящих серпантин дождя, при этом огорчённо сожалея, о лекции, состоявшейся без её участия. А посему, выждав окончание дождепада, следует вернуться домой. И в этот момент, стремглав приближаясь по дорожке к убежищу Ланы и уловив слабо вырисовывающийся светлый образ, ассоциирующийся с русалкой в дожде, на островок суши влетел юноша с ликом радостно улыбающегося простодушного ребёнка.

Отдышавшись от быстрого бега в лавине, выплёскивающейся с небес воды, всё ещё обильно стекавшей с него, общительный незнакомец с весёлым нравом, миг разувшись, что они союзники по несчастью, предложил девушке, с первого взгляда покорившей его, добраться до цели вместе. Она

обладала чувством здравого смысла и, сознавая, что ему терять уже нечего, а для неё – это очевидное безрассудство, подумав, всё-таки согласилась, в силу врождённого озорства и мобильности, на авантюрную затею.

Им оставалось преодолеть относительно немалое расстояние вдоль периметра здания. Молодой человек бросился в пучину ливня, увлекая за собой Лану и тщетно пытаясь как-то заслонить девушку от водного извержения. Очутившись у портала первым, он распахнул дверь и удерживал её, находясь под небесным душем, пока его попутчица не выскользнула из зоны дождя.

Женщина-вахтёр, едва слышав входящих, направилась перекрыть доступ, но, воспринимая зрением, в буквальном смысле, два небольших бурных источника воды, остолбене-ла с выпученными глазами и раскрытым ртом, сделавшись похожей на жутко удивлённую рыбу, приливом выброшенную на берег. Ребята, которых вид застывшей в онемении тётки здорово рассмешил, воспользовавшись её замешательством, прошли мимо «живой статуи» к центральной лестнице и, даря ступеням падающие каскадами ручейки, поднялись на требуемый этаж. У аудитории, где их уже не ждали, отжали волосы и одежды, а затем, внутренне собравшись, решились на дальнейшие действия.

Предварительно постучав, молодой человек приоткрыл дверь и, спросив разрешение присутствовать, пропустил Лану вперёд. В ожидании вердикта, оставаясь у входа огром-

ного зала с расположенными полукругом длинными рядами амфитеатра, разделёнными ступенчатыми проходами на три сектора, юные создания в прилипших к её гибкому стану платье, демонстрирующему пленительность женственных линий, и к его телу рубашке, подчёркивающей слаженный мужской торс, вызвали интерес у всех присутствующих, повернувших головы с пристальным взглядом в их сторону.

Преподаватель почтенного возраста, сражённый столь дерзким опозданием и отметивший его, как неуважение к себе, что читалось недовольством в выражении его лица, так ничего и не высказал, когда, отойдя от кафедры, приближаясь, оценил облик каждого в плотно прилегающих одеяниях, промокших насквозь. При этом нельзя было не заметить её деликатность и его добродушную улыбку на не утративших детскую свежесть восприятия лицах.

Им было позволено присоединиться к остальным. Внизу места не пустовали и только вверху кое-где просматривались незанятые. Молодой человек первым, а девушка следом за ним стали бесшумно подниматься по ближайшей лестнице, пока в предпоследнем ярусе у края скамьи центрального сектора не обнаружили свободные сидения, как бы изначально оберегаемые волей провидения для них двоих.

Аффективное состояние не покидало юношу дольше, чем следовало бы. Эмоционально перевозбуждившись, он был не в силах овладеть собой и решил пообщаться с Ланой, но она, несколько раз, тактично поддержав разговор, пред-

ложила вспомнить, ради чего они здесь находились. Чуть позже, успокоившись и приняв нарочито серьёзный вид, он, слегка сдерживая улыбку, лукаво поглядывал на соседку, демонстрируя ей своё послушание, и она откликнулась на его беззаботно игривое настроение, одарив светоизлучающим сиянием глаз.

По окончании лекции, спускаясь по проходу, молодой человек попал под радушие направленных со всех сторон приветствий, а с некоторыми товарищами по встрече даже успевал обменяться одной-двумя фразами. Однако в обволакивающей атмосфере дружеского общения ни на секунду не забывал о спутнице. С готовностью убережёт её от натиска толпы он создал некое воздушное пространство за спиной девушки и сохранял его вплоть до выхода из института.

Улица приняла их без дождя. Тучи рассеялись, открыв бесконечность прозрачной бирюзы небесной выси, ниспадая с которой, победоносные лучи знойным танцем в лужах сушили землю под сладкопевные переливы птичьего вокала.

Лана направилась домой, и юноша, не желая расстаться с девушкой очаровывающе притягательной магии, обрётённой им в посланном свыше сильнейшем водопаде, оставался рядом.

Через месяц каждый стал студентом выбранного факультета. Но молодой человек, изучив расписание избранницы, забегал, практически, ежедневно увидеться с ней и не только в начале дня, но и в перерывах между парами.

Новый знакомый очень скоро всем вокруг дал понять – там, где она, территория принадлежит только ему. И вчерашние мальчики, подметив сколь сильное чувство охватило этого парня, кто с осознанием, а кто и с завистью, отступили от обворожительной блондинки, выделявшейся в кругу конкурсиц светозарным свечением аристократической белизны лица, шикарной волной золотисто-русых волос, дивными глазами и яркой харизмой.

С первого мгновения, как юноша заметил Лану, он относился к ней с чуткостью, галантностью и нежной заботой. Если учебные занятия подходили к концу одновременно, они встречались в холе института и после уже не расставались. Заходя в общественный транспорт, у раскрывшихся дверей он оттеснял стремящихся попасть внутрь, предоставляя возможность вначале войти его девушке. В салоне, как правило, переполненном пассажирами, умудрялся встать так, чтобы её никто не задел, а весь прессинг приходился только на него. В конце маршрута проторял беспрепятственность к выходу и, будучи снаружи, учтиво подавал руку, а она, с приветной признательностью вверяя ему ладонь, спускалась навстречу. И двое, не замечая окружающей суеты, шли дальше...

Он и она... Совершенно разные – разная среда обитания, разное воспитание, разная духовная зрелость. Лане были присущи удивительная простота и не менее удивительная возвышенность, внутренняя стойкость и способность дер-

жать удар, соседствующие с ранимостью и в чём-то незащищённостью. И именно к этой девушке, благопристойной барышне девятнадцатого века, загадочным стечением обстоятельств объявившейся в середине века двадцатого из неизвестного ему мира, юношу влекло неодолимой силой.

Он с пиететом самозабвенно служил ей, инстинктивно предугадывая, как поступать, опекая, оберегая и делая всё для того, чтобы Лана ощущала себя счастливой. Когда позволяла занятость, находился с ней и смотрел, смотрел, лелея взором, а порой – просто надолго задерживал чувственно-пламенный взгляд в её по-колдовски притягивающих серо-синих омутах глаз.

Обаятельный юноша изрядно отличался от представлявших близкое окружение Ланы молодых людей, умных, талантливых, созидательных. Это был ошеломляюще жизне-радостный и позитивный человек, в котором неистребимо жил бесхитростный ребёнок, доверчивый и откровенный, с солнечной, обезоруживающей улыбкой. Он был симпатичен и внешне, но пока не вызревшей мужской красотой. Брюнет со светлыми глазами под густыми дугами чёрных бровей и розовым румянцем на щеках. Почти всегда на его лице бывало столько детского удовольствия, освещённого особенным магнетизмом, что он часто оказывался в центре внимания.

С ним было и хорошо, и необъяснимо тревожно. Он почему-то избегал разговоров о семье и домочадцах. Даже

на простые ненавязчивые вопросы, касающиеся только его, она получала скудные ответы или бессвязное бормотание чего-то невнятного. Его скрытность для Ланы выглядела с одной стороны, по крайней мере, странно, а с другой стороны – полностью не совпадало с тем, что она примечала в юноше. Однако его заботливость о ней повергала в изумление, и молодой человек стал желанным.

Обычно, проводив Лану домой, он оставался у неё до позднего вечера. Уютно расположившись в комнате девушки, они готовились по учебной программе следующего дня, говорили и дурачились на всевозможные темы.

Лана, в основном, слушала, время от времени вставляя по ходу беседы несколько слов или суждений. Обладая блестящим чувством юмора, тонким и искромётным, иной раз вплетала и смысловой иронический подтекст, правда, эпизодически и только в самом начале знакомства. Быстро сориентировавшись, что вводит собеседника в состояние ступора из-за отсутствующей склонности к постижению иносказательных выражений, впоследствии излагала свои соображения и идеи с бережным отношением к его неспособности понимать данный жанр разговора.

Иногда, покоряя красотой сильного голоса, юноша негромко, для неё одной, напевал какую-нибудь популярную песню, что было чарующе прекрасно. А широкий кругозор и творческий настрой его подруги являлись неиссякаемым источником для посещения притягивающих к себе

очагов культуры, где окунаешься в захватывающий мир художественных полотен, музыкальных произведений, сценического мастерства, искусства кино или циркового бесстрашия. Он же положительно реагировал на все предложения, так как в эти часы их ничто не разлучит, и он сможет видеть безупречную естественность её лица, озарённого невероятной проникновенностью глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.